

СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОЛИЦЕЙСКИХ АРХИВОВ

Вначале все выглядело очень просто. Избавившись от прошлого, мы хотели, чтобы будущее больше не вмешивалось в наши дела. Как обычно, и на этот раз запрашивались простые решения. В той же степени, в какой было дискредитировано наше прошлое, были дискредитированы и те, кто служил прошлому режиму и нес ответственность за его существование и его преступления. Как только становилось известно о сотрудничестве того или иного лица с секретной полицией, этот человек сразу исключался из сообщества порядочных людей, фактически переставал существовать. Особенно эмоционально переживали новую и новую информацию о сотрудничестве своих знакомых с секретной полицией бывшие диссиденты. И это понятно. Ведь эти люди были с нами, дружили с нами — и доносили на нас. Однако информация о якобы доносчиках не была доказанной — кто-то кому-то что-то сказал, кто-то где-то о чем-то прочитал. Но люди ведь разные, часто у них бывают не совсем определенные, а иногда и неожиданные для окружающих интересы. И вскоре оказалось, что среди участников оппозиции прошлого режиму было мало таких, кто ни разу не обвинялся в сотрудничестве с секретной полицией. Подобного рода информацию я слышал и о себе.

И если вначале казалось, что вопрос бывших сотрудников органов госбезопасности будет решен на волне революции, просто и без проблем, то несколько месяцев спустя выяснилось, что его нужно решать совершенно иначе. Ложные обвинения; опровержения со стороны тех, в чьем сотрудничестве с органами госбезопасности мы были совершенно уверены; пропавшие из архивов секретной полиции материалы — все это привело к убеждению о необходимости выработать законные рамки для решения данной проблемы. И тогда возник так называемый

закон о люстрации. По сравнению с проектом этого закона его окончательный текст по решению парламента был более жестким, так что, в конце концов, этот закон коснулся не только тех, кто работал в секретной полиции или сотрудничал с ней, но и членов Народной милиции (вооруженных сил компартии), а также членов руководства и аппарата коммунистической партии. В соответствии с законом, все эти люди лишены права занимать определенные должности в государственном аппарате в течение пяти лет.

Казалось, проблема решена довольно либерально и безупречно или, по крайней мере терпимо с этической точки зрения. Однако сразу же возникли определенные трудности, и именно из-за них закон о люстрации стал самым противоречивым из всех законов, принятых чехословацким парламентом за два года его работы.

Сомнителен уже сам источник, из которого мы черпаем информацию о сотрудничавших с органами госбезопасности. Ведь единственным источником такой информации являются прежде всего архивы секретной полиции. Но почему мы должны доверять протоколам лжецов, почему мы должны считать информацию великих фальсификаторов соответствующей действительности, доверять честности тех, кто, как мы постоянно заявляем, не заслуживает доверия? Верно, их записи систематизированы, на них стоит множество подписей и печатей. Но ведь на основании таких же систематизированных документов в свое время были осуждены за какие-то преступления Вацлав Гавел, Адам Михник, Ян Чарногурский и др.

Ели мы верим их записям (а именно на этой вере основывается принятый чехо-словацким парламентом закон о люстрации), то не должны ли мы верить и тем фактам, которые скрываются за этими записями? Как страдали те, кого заставили подписать обязательство о сотрудничестве? Кто из невиновных может бросить камень лишь потому, что им секретная полиция не интересовалась и не оказывала на него такого же давления? Как отличить тех, кто подписал под нажимом, от тех, кто подписал

такое обязательство охотно и выполнял его рьяно? И, наконец, сама подпись ничего не говорит о том, делали ли подписавшие что-то на пользу секретной полиции. Возможно, кто-то подписал такую бумажку по договоренности с друзьями в надежде, что сотрудничество с органами ничего дурного им не принесет? Все эти сомнения свидетельствуют о том, что в таких случаях имеется огромная дистанция между добром и злом.

Время, которое в состоянии отточить камень и превратить очаровательную девушку в старуху, в случае закона о люстрации совершенно беспомощно. Срок вины за убийство может истечь через двадцать пять лет — по чехословацким законам, по крайней мере. Однако за подпись под обязательством о сотрудничестве человек отвечает и по истечении сорока лет. Как же это можно сочетать с призывами к правовой стабильности, к созданию правового государства?

Даже когда все документы выглядят достоверно и существуют письменные доказательства о сотрудничестве, протоколы допросов или информация о встречах, это все равно не означает, что все совершенно ясно. Ведь тогда-то и возникает проблема интерпретации. Тот, кого не допрашивала секретная полиция, кто не знает методы ее работы, кто никогда не сравнивал свои показания с протокольными записями, не может иметь понятия о том, что он читает. Кожаный язык полицейских превращает нормальные человеческие высказывания в оруэлловскую новоречь и придает им заговорщеский характер. Обычное невинное предложение в сознании сотрудников органов госбезопасности легко трансформируется в конспиративную информацию, свидетельствующую о происках врагов рабочего класса. Приглашение со стороны сотрудника этих органов на чашку кофе оказывается в архивных материалах приглашением на конспиративную встречу. Таким документам поверит человек не знающий, на что способна секретная полиция, видящий во всем угрозу, каждый, читающий по верхам, и не задумывающийся над сложнейшими взаимосвязями, сопутствующими процессу оформления протокола.

Я думаю, нет смысла приводить дополнительные аргументы. Кто хочет понять, так поймет, что люстрация заведет нас в тупик, который породит новые несправедливости, не восстановив при этом справедливость за действия, унаследованные от прошлого. Того же, кто отказывается понимать, не убедишь и конкретными примерами.

Действия противников люстрации объясняют самыми различными причинами — либо это защитники прошлых порядков, либо скрытые коммунисты, которые боятся разоблачения их собственной вины или защищают друзей, которым они за что-то обязаны; либо это наивные люди, которые просто не сознают опасности реставрации коммунизма. Мне думается, что ни один из этих аргументов не соответствует действительности.

Противники люстрации — это чаще всего люди, которые в прошлом сами получили много ударов от тоталитарной власти, и поэтому они противятся возобновлению тех же методов. Это люди, которые остро ощущают необходимость правовой уверенности и верховенства закона. Это не нравственный нигилизм и не терпимость ко злу. На совести коммунистического режима — страшные преступления, их не следует ни забывать, ни преуменьшать. Но было бы слишком просто выбрать лишь одну категорию людей, которые по воле случая оказались упомянутыми в полицейских архивах, и всю вину за прошлое возложить на них. Виноваты все, и хотя доля вины разных людей различна, не в наших силах эти различия вычислить и сформулировать. Не следует исключать возможности суда над теми, кто на службе прошлому режиму совершил преступления. Однако имена, указанные в протоколах полиции, мы должны были бы забыть как можно скорее. Они почти ничего не говорят о прошлом — напротив, они еще больше затуманивают его. Если имена сотрудничавших с госбезопасностью будут опубликованы, это будет последней победой секретной полиции и чрезвычайно существенной победой.

Говорят, что закон о люстрации не может нанести ущерб, потому что тем, на кого этот закон распространяется,

запрещается лишь занимать определенные посты в органах государственного управления. Но это не так. Люди, чьи имена были названы в связи с люстрацией, исключаются не только из общественной жизни — калечится и их личная жизнь. Их покидают друзья, их семьи разбиваются, они окружены презрением и не могут устроиться на другую работу. Они лишены возможности защититься, они не могут опровергнуть обвинения, выдвинутые против них, и вообще что-либо разъяснить. Можно, конечно, сказать, что многим воздается по заслугам за их действия в прошлом. Но по отношению ко многим другим вершится не только несправедливость, но и бесправие. На таком беззаконии строить правовое государство нельзя. Тот, кто ставит под угрозу идею правового государства, одновременно ставит под угрозу идею демократии, угрозу, от которой молодые демократические государства не всегда способны оправиться.

СТАТЬИ

Робин Фокс

ФАТАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ: ВОЙНА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА*

Судя по всему, сейчас мы переживаем один из тех нечастых периодов оживления надежд на скорый переход к всеобщему миру, с помощью которых история время от времени пытается приукрасить печально непрерывную последовательность всякого рода войн и вооруженных конфликтов. Как правило, люди всегда где-нибудь да дерутся — в справедливости этого не слишком часто формулируемого социологического вывода можно убедиться без всякого труда. По-видимому, мало кто сегодня читал блестящую монографию Льюиса Ричардсона "Статистика смертельных столкновений"¹, но всякому, кто сомневается в истинности этого обобщения, будет достаточно просто перелистать ее страницы. Однако верящие, что войны навсегда ушли в прошлое, видят в этой повторяемости лишь досадное отклонение от общего правила. С их точки зрения, мы бы уже давно перековали мечи на орала и позабыли бы о всех войнах, если бы в мире не существовало гонки вооружений, империализма или колониализма, капитализма и классового угнетения, монархических склок, коммунистического экспансионизма, диктаторов-психопатов и т.п. (этот список можно продолжать до бесконечности).

Реальная история не настраивает, однако, на особый оптимизм. Вера в конец войн не менее иллюзорна, чем вера в "конец истории". В конце концов, все возвращается на круги своя, так что давайте хотя бы проявлять осто-

**По-английски статья была напечатана в журнале "National Interest", N 30, Winter 1992/1993, pp. 11-20.*